

КАТЯ
ЛОРЕНЦІ

vs СИРЕНА
ДРАКОН

16+

Катя Лоренц
Сирена vs Дракон

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лоренц К.

Сирена vs Дракон / К. Лоренц — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Это противостояние длилось тысячелетие. Миром правили сирены, а драконы свободолюбивые, не хотели подчиняться императрице. Устроили кровавую расправу, оставив в живых только меня, посредственную сиротку. В академии встретила дракона, в которого влюбилась. Сможем ли мы простить грехи наших родных и быть вместе?

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	22
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

Мидэя сидела на красном пуфике, клевала носом, нежилась от ласковых прикосновений. Каждый вечер мама расчесывала ее длинные, белые волосы, напевая песню. У всех сирен чарующий голос, но у мамы особенный, самый лучший, он успокаивал, убаюкивал.

Завтра наступит самый лучший день: её шестой день рождения. Приедут гости со всех стран, кухарка Тина сделает самый огромный трёхэтажный торт, принесут горы подарков.

Её мама – императрица мира, тринадцатая по счёту, и правители других стран пойдут на всё, чтобы мама осталась довольна. Многие тысячелетия их Империя получает дань с других стран. Тринадцать поколений сирен, крепко держат власть в своих изящных ручках.

Мама Келла, строгая, властная, ее взгляда не выдерживают даже драконы, свободолюбивые, непреклонные, но только Миди знает, какой нежной и ласковой может быть императрица. – Всё, моя красавица, – Келла поцеловала её в щёчку. – Пойдём спать.

Мидэя любила свою комнату, тут всё сделано, как для принцессы, коей она и являлась.

Нежно-розовые стены с картинками волшебных существ: сирена, обернувшаяся в птицу с золотыми перьями, сражается с чёрным драконом, ведьмы летают на метлах, огромные чёрные оборотни. Мир, в котором она живёт: Эдвин, полон таких существ.

Есть и обычные люди, их большинство, тем чудеснее кажутся магические существа.

Мама накрыла ее одеялом, ласково погладила по голове, напевая песню, мамин голос уносил её в мир грёз.

Тогда Мидэя не знала, что это последние счастливые мгновения в её жизни, и скоро их накроет беспросветный сумрак.

Миди снился сон: она в золотистом пышном платье, по цвету, таком же, как перья у мамы, идёт вместе с императрицей по украшенному залу. Кругом сотни празднично одетых людей, они приседают в реверансе, покорно склоняют голову.

На голове мамы корона Императрицы из шести ярусов, символизирующих шесть материков, полностью подчинённых Эдвинской империи.

Мама разгладила платье, элегантно села на трон, Миди стояла по правую руку. Люди строились, чтобы поцеловать руку матери и вручить Миди подарок.

Её глаза загораются, каждый раз, когда дарят красиво украшенную коробочку, но она старается сохранить невозмутимое лицо, как у мамы.

Наконец, все подарки подарены, мама подаёт знак, играет музыка. Миди, приглашает на танец красивый мальчик, на его руке перстень с огнедышащим драконом.

Он улыбается, когда их руки соприкасаются, Миди чувствует, как щёки краснеют, он ведёт её в центр зала, обнимает и кружит под чудесную музыку. Улыбаясь, он говорит маминым встревоженным голосом:

– Миди... Миди, просыпайся! – Мидэя открывает глаза, видит мамин испуганный взгляд.

– Миди, быстрее, нам нужно бежать.

– Куда? Мама, что происходит? – принцесса трет глаза, пытаясь, проснуться.

– Нет времени объяснять. – Келла поднимает её, надевает на дочь плащ с капюшоном и чёрные сапожки на голые ноги. Они бегут почему-то по коридору для прислуги, мама нажимает на серый камень, стена отъезжает в сторону, потом по тёмным коридорам.

– Плохи дела Миди, нехорошие люди учинили восстание. Прости меня, не понимаю, как я проглядела такой заговор. Святая Деметра, что сейчас будет, не знаю, как спасти тебя. Меня-то уже... – Келла недоговаривает. – Если мы вдруг потеряемся, не говори никому кто ты, пока всё не уляжется.

– Мама, я не хочу, чтобы мы терялись. – Миди хлопает носом, вытирая его рукой.

Они спускаются во двор. По небу летят драконы, увидев императрицу, камнем падают вниз.

– Сюда! – кричит мама, и они забегают в бревенчатый домик для прислуги. Мама открывает подпол.

– Спускайся, Миди.

– Мама, не хочу. – хнычет она. – Там темно и страшно.

– Миди, девочка моя, слушайся. У нас нет времени. Запомни, что бы ни случилось, сиди тихо. Обещаешь? – Миди кивнула головой, спустилась вниз. – Помни ни звука, если тебя заметят – беги.

Миди осторожно спускалась по скрипучей лестнице, шла по земле, тут даже пола не было. В подполе темно, светом служили лишь дырки в полу, и свет из небольшого окошка для проветривания. Воздух спертый, сырой, из темного угла послышалось шуршание и писк. "Крысы!" Миди очень боялась их, у крыс такие противные лысые хвосты, острые зубки, наглый взгляд.

– Императрица, – услышала она чей-то голос. Принцессе очень хотелось посмотреть, что там происходит, она залезла на ящик из-под картошки и смотрела в дырку между половицами, но смогла увидеть только ноги матери и мужские сапоги.

– Что вам нужно? – спрашивала Келла, она не могла пошевелиться, ее тело было окутано какой-то чёрной дымкой.

– Вашей смерти, – сказал мужчина. – Сдавайтесь императрица, вас больше некому поддерживать. Ваша армия сдалась, империи больше нет, все сирены уничтожены. – Мама всхлипла.

– Оставьте мне жизнь, я подпишу документы об отречении от престола.

– Этого мало, вдруг вы вернёте себя власть.

Миди услышала крик матери, и грохот. Келла упала, как раз рядом с дочерью.

– Беги, – прошептала она. Из ее рта побежала алая кровь.

Миди зажала рот ладошкой, она помнила, что говорила мама: ни звука.

Глаза мамы закрылись. Миди испугалась, сердце колотилось в груди, как пичужка в клетке.

В тот момент она повзрослела. Келла велела бежать.

Оглянулась, единственный выход – это небольшое окошко, если бы только удалось его открыть и пролезть. Она уже не боялась ни крыс, ни темноты. Тот мужчина пугал её куда больше.

Миди дергала за ручку, окно старое и открылось не сразу. Осмотрелась, на улице никого не было видно, она пролезла и побежала в сторону леса.

Юная принцесса, спотыкалась, падала, она не выбирала дороги, у нее было единственное желание – спрятаться, скрыться, чтобы только этот мужчина не нашел ее. Что делать дальше, не знала, все мысли пропали, ей управлял страх.

Вся грязная, замёрзшая, обессиленная, она упала на мокрую траву, сил больше не осталось. Миди перевернулась на спину, смотрела, как из-за горизонта лениво выплывает красное солнце. Наступил долгожданный день рождения, но радости Миди не чувствовала, только боль и горечь.

В её шестой день рождения пала Великая Империя, не стало матери, она не знала, куда идти, что её ждёт в будущем.

Самый прекрасный день стал кровавым ужасом.

Глава первая

Двенадцать лет спустя.

Снимаю перчатки, выхожу на улицу, вдыхаю свежий воздух, беру ведро с молоком.

Я живу в детском доме, в небольшой деревне, у нас свое хозяйство. Все ухаживают за скотом. Каждый из нас должен в пять утра накормить, почистить, подоить коров, но почему-то чаще других эта нелегкая обязанность ложится на мои плечи.

Стараюсь быть незаметной, быть примерной и послушной, но это мало помогает.

Наша директриса, Элика, невзлюбила меня с первого взгляда.

Однажды я подслушала её разговор с нашей воспитательницей. Оказывается, это всё из-за моего происхождения, ей так понравилось унижать бывшую принцессу. Элика упивалась властью надо мной. Она вспоминала тогда то время, когда ей приходилось идти на поклон к моей маме, просить увеличить денежное довольствие для сирот. Мама уличила её в воровстве, разгневалась, что директриса смела воровать у сирот, хотела снять её с должности, но не успела, её убили.

Ничего, скоро мои мучения закончатся, я покину детский дом. Очень рассчитываю поступить в Эдвинскую Магическую Академию сокращённо: ЭМА. Я подала заявление, с нетерпением жду ответа.

Обхожу рулон с сеном, слышу сзади писклявый голос директрисы.

– Миди, подойди сюда, – сморщившись, разворачиваюсь, пытаюсь изобразить улыбку, ставлю ведро с молоком на землю.

– Да, директриса, – смиренно говорю я.

– Ты всё сделала?

– Да, почистила, всех покормила, коров подоила.

– Сегодня идёшь в огород, нужно вскопать грядку и полить саженцы.

– А что, другие не могут? – говорю раздражённо, бесит, что из меня сделали главную рабыню.

– Ты чем-то недовольна? – она приподнимает рыжую бровь.

– Нет, я довольна. Мне нужно процедить молоко, сварить творог, почему я должна выполнять еще тяжёлую мужскую работу?

– Потому что это твоя судьба. Ты никто! У тебя нет особых магических талантов, как у твоей мамы, значит, образование тебе ни к чему. Чем ты собираешься заниматься, зарабатывать на хлеб?

– Я поступлю в ЭМА, выучусь и получу работу, – она рассмеялась.

– Глупости не говори! Кто в здравом уме примет тебя? У тебя нет никакой магии, видимо, природа решила отдохнуть на тебе.

Это особенно больно слушать, потому что это правда.

Все сирены виртуозно владеют четырьмя стихиями, им любое заклинание было по плечу, но у меня до сих пор не проявилась ни одна из стихий, и вряд ли уже проявится. Сирены имели ипостась огромной птицы с золотыми перьями. И тут для меня облом, я ничего такого не умею.

– По ночам я занимаюсь по магическим учебникам, и у меня получаются некоторые простые заклинания.

– У тебя работы мало? – запищала директриса, я поморщилась от этого ультразвука. – У тебя еще хватает сил заниматься по ночам? – Вообще-то нет. Вечером, я едва волоку ноги, но грести всю жизнь навоз мне не хочется, хочу нормальную профессию.

Люблю животных, и когда свиней, которых с таким трудом выхаживала, кормила с пипетки молоком, потому что свиноматка отказалась это делать, отправляют на убой, реву

горючими слезами, как будто моего ребёнка убили. Я не ем мясо, это кошунство для меня, есть того, к кому был так сильно привязан.

– Я могу тебе ещё обязанностей добавить! – угрожающе, говорит директриса.

– Почему именно мне? Других вы так не припахиваете!

– Потому что они готовятся, занимаются. У них, в отличие от тебя, есть таланты,

Да сколько она будет сыпать мне соль на рану? Есть у меня подозрение, что директриса эмоциональная вампирша, ей нравится доводить меня, у неё всегда после наших препира-тельств улучшается настроение.

– Как же, занимаются! Ваша любимица, Даряя, целый день гуляет с мальчиками, и ни разу после окончания школы не взяла в руки учебники.

Я вчера видела, как она вся растрепанная выходила из леса. Чем они там занимались? Явно не учебник по маг истории штудировали.

– Ты... – директриса захлебывалась ненавистью.

– Извините, мне некогда, – взяла ведро с молоком. – Скиснет, – пояснила ей.

На кухне меня встречает наш повар Ребекка.

– Ой, Миди, ты такие тяжести таскаешь, с раннего утра уже на ногах. Давай помогу, – она тянется к ведру.

– Ничего, – искренне улыбаюсь ей. – Я справлюсь.

Тщательно мою банки, процеживаю молоко.

– Миди, садись поешь. Все дети уже позавтракали, разбежались кто куда.

– Мне ещё творог варить надо, – заглядываю в большую кастрюлю. Молоко уже скисло, стало простоквашей, самое то. Ставлю на медленный огонь.

Ребека накрывает на стол и буквально заставляя меня сесть.

С ней у нас сложились теплые, дружеские отношения, она всегда, тайком от директрисы, подкармливала меня.

– Что с академией? Они прислали тебе ответ? – откусила пирог с картошкой.

– Нет, хотя уже достаточно давно отправляла им все документы.

– Ты давно проверяла почтовый ящик?

– Вчера вечером.

– Может, сейчас пришел? Поешь, сходи, посмотри. Я уверена, тебя должны принять. Ты так усердно занималась, ты достойна академии.

– Спасибо, Ребекка, что бы я делала без вашей поддержки, даже не знаю.

– И тебе спасибо, моя дорогая, – она ободряюще пожала мне руку. – Доброе слово и кошке приятно.

После завтрака сливаю сыворотку, подвешиваю творог стекать, иду проверять почту.

Наши почтовые ящики находятся в холле. Один для учеников, другой для сотрудников.

Прикладываю большой палец к сенсорной панели почтового ящика, через такой ящик, мы можем получать письма, посылку, где бы ни находились.

Панель мигает, загорается зелёный свет.

Пришло! Наконец-то!

С волнением достаю письмо. Оно какое-то странное, нет печати академии и подписи главного волшебника. Читаю, из-за переживаний суть письма не сразу доходит до меня, приходится перечитывать несколько раз.

ЭМА.

"Настоящим письмом сообщаем вам, что комиссия рассмотрела вашу заявку и была вынуждена отказать. Эдвинская Магическая Академия, заинтересована в поиске абитуриентов, имеющих хоть какую-то магическую стихию.

Извините, но обычных людей мы не допускаем до обучения.

С уважением главный волшебник ЭМА профессор Эдгард Аманатидис.

– Ха-ха-ха! – слышу смешок из-за спины, поворачиваюсь. Передо мной стоит Даря, и довольно улыбается.

– Правильно, нечего делать в НАШЕЙ академии всяким убогим, – бледнею.

– Что значит: " Нашей? "

– А то, что я поступила туда, а ты так и будешь свинаркой. Достойное для тебя занятие.

– Так иди и радуйся, что ты ко мне пристала?

– Я и радуюсь, неудачница! – Даря повернулась, виляя бедрами, направилась к компании оборотней, обняла руками двух сразу и по очереди поцеловала, потом развернулась ко мне и с ухмылкой: "Видишь! Я лучше во всём!" Вышла на улицу. Опять по лесу шататься будут.

Как же так получилось, что я опять не у дел?

С поникшей головой вернулась к Ребекке, она сразу поняла, что всё плохо для меня.

– Неужели не приняли? – она опустила на стул.

– Даже Дарю взяли, а она едва школу закончила, если бы директриса не дала взятку учителям, её бы оставили на второй год. А я так старалась, Ребекка, у меня даже начали получается легкие заклинания. – у неё загорелись глаза.

– Можешь показать? – я оглянулась, увидела на окне завядший цветок, подошла к нему, сделала несколько пассов руками, открывая энергетический поток, влила в цветок свою энергию.

Ребека подошла ко мне, и с удивлением смотрела, как пожелтевшие листочки опали, а на их месте медленно вылезли новые, стебель его окреп, наверху появился бутон и распустился. Красные цветы издавали насыщенный, головокружительный аромат.

– Святая Деметра... – Ребекка прикрыла рот руками. – Потрясающе, Миди! Я уже не надеялась, что он оживёт. Что я только не делала, какими удобрениями не поливала. У тебя определённо талант! – я покраснела, не привыкла, чтобы кто-то меня хвалил.

– Спасибо, Ребекка, но толку от этого? Для чистки сарая он мне не поможет, а директриса сказала: это единственное, на что я способна.

– Не слушай всякие глупости! Я верю в тебя, девочка моя, – она обняла меня за плечи.

– А! Вот ты где! – услышала писклявый голос директрисы. – Ты мне нужна, пойдём со мной в кабинет.

Обменявшись с Ребеккой непонимающими взглядами, пошла следом за гримзой. Поднялись на второй этаж, пошли по обшарпанному коридору.

В детском доме ремонт не делали со времён правления мамы, хотя поговаривали, что деньги выделялись.

Вошли в шикарно обставленный кабинет, напоминавший больше королевский. Огромные арочные окна до пола, дорогая позолоченная мебель, на стене большущая картина с изображением директрисы в полный рост.

Сколько же она стоит? Подпись на картине гласила, что это работа известного художника.

– Садись. – директриса указала рукой на красное кожаное кресло. Безвкусное, на мой взгляд, как и все здесь, хоть и безумно дорогое. Позолоченные вставки неуместны, цвет совсем не подходил к персиковому цвету стен.

– Я слышала от Дарей, что тебя не приняли в академию? – проболталась уже. – Собственно, как я уже говорила: ты бездарь. Но я всегда забочусь о своих подопечных, – закатила глаза, заботится она, как же! – И только по доброте душевной, хочу сделать тебе предложение, – она постучала золотой ручкой по столу. – Ты будешь работать на меня, так же, как и прежде, но будешь получать сто эдвиров за месяц, – это такие гроши, даже разносчики еды получают в разы больше. – Не благодари меня, – она кинула в меня контракт. – Подписывай.

– Даже не собираюсь. Я не буду на вас работать, и дело даже не в мизерной зарплате, и не в невыносимо тяжёлой работе, мы с вами просто не сработаемся. Через три дня выпускники разъедутся по академиям, я тоже покину вас.

– И что ты будешь делать? – насмешливо спросила она.

– У меня есть небольшое наследство от мамы, – на этой фразе, глаза директрисы вспыхнули алчным блеском.

На самом деле это копейки, скорее подачка, по сравнению с теми золотыми запасами, что были у нас. Всё разграбили: наш огромный дворец забросили, теперь там обитают бомжи, и асоциальные личности. Нет, чтобы с толком использовать здание, хотя бы школу сделали, или отдали бы сиротскому приюту.

У всех сирен был непревзойдённый вкус, и за тринадцать поколений накопилось огромное количество дорогих изделий, имеющих не только материальную, но и историческую ценность. Всё перешло в руки убийц моей матери.

– Я не собиралась пользоваться этими деньгами, – они как плата за убийство мамы. – Но, похоже у меня нет выбора, потом я планирую найти работу в столице... – директриса расхохоталась.

– Не смей меня! Твоим планам не суждено сбыться!

– Почему?

– Твои документы у меня, без них тебе никуда не уехать. А я не собираюсь тебя отпускать. Не хочешь работать за деньги, будешь делать это за еду – она в гневе соскочила с кресла.

– У вас нет такого права! Держать меня! Это незаконно!

– Чихать я хотела на закон! Здесь я устанавливаю правила, и ты моя любимая рабыня, прикажу, и ты ботинки мне вылижешь, не то, что хлев! Свободна!

Развернувшись на пятках, вышла из кабинета, напоследок, громко хлопнув дверью.

Несправедливо! Неужели этому не будет конца? Я так всю жизнь проживу, буду видеть только горы навоза кругом?

Нет! Я не собираюсь с этим мириться! Пора творить судьбу собственными руками! Я принцесса, хоть и бывшая, во мне течёт кровь гордой женщины. Императрица никогда бы не склонилась, и я не буду!

Какие, однако, амбиции у этой директрисы! Кем она себя возомнила? Надо же сказать: ботинки я ей вылизывать буду! Не дождется! Во мне созрел план побега из детского дома, ставшим мне адом.

Уеду, найду себе жильё, за год подготовлюсь лучше, и на следующий непременно поступлю в академию.

Мама всегда говорила, что образование должно стоять на первом месте. Быть невеждой не пристало ни принцессе, ни простому человеку.

А пока сделаю вид, что смирилась со своим положением.

Иду в огород, выполняю задание директрисы: копаю грядки, поливаю саженцы, вечером чищу сарай, кормлю скот, дою коров.

Директриса ходит и радостно улыбается, довольная тем, что я подчинилась.

В дом иду, спотыкаясь, так устала, ноги ватные, руки не поднимаются.

Иду мимо закутка, слышу смех Дареи.

– Кевин, не надо... от твоих поцелуев у меня уже губы болят.

– А от поцелуев Криса – нет? – зло спрашивает оборотень.

– Не ревнуй, малыш, – она примирительно поглаживает его по плечу.

Кевин стоит спиной ко мне, он прижимает Дарею одной рукой, второй гладит её по талии, потом целует в шею.

Остановилась, мне стало завидно. Пока я пашу, как ломовая лошадь, приобретая новые мозоли на руках, кто-то развлекается по полной программе.

У них есть мечты, цели, стремления, а у меня одна цель: добраться до кровати, не упав от усталости по дороге и проспать дня два.

Увидев меня, Дарея засмеялась и похлопала по плечу Кевина, со словами:

– Посмотри на эту лохматую чумазую уродину.

Кевин повернулся, и тоже раскатисто рассмеялся надо мной.

– Что смешного? – скрестила руки на груди, приподняла бровь.

– Ты так убого выглядишь. – сказал Кевин. – Бери пример с Дареи, – та довольно улыбнулась, – она всегда хорошо выглядит, ухоженная, накрашенная. А ты? Умываться что, не научили? Ты платье бы одела, а то ходишь постоянно в этих джинсах.

– С удовольствием поменяюсь местами с ней. Даже интересно посмотреть, во что превратится твоя Дарейя, убирая навоз в платье и на таких высоких каблуках. Убираться у скота: это наша общая обязанность. Я делаю мужскую работу, копаю огород. Видимо, парни в нашем детском доме до такой степени хилые, что это им не под силу.

Он прекратил смеяться, его глаза засверкали гневом.

– Что сказала, убогая?

– Сказала, что ты способен только тискать девок по углам!

– Хочешь, докажу обратное?

– Тебе слабó! Ты и одного дня не выдержишь.

– Спорим?

– Давай. Завтра ты сделаешь всё за меня, а я посмеюсь.

– Ещё посмотрим! – он ушел, толкнув меня напоследок.

– Завтра в пять утра, у хлева, – кричу ему вдогонку. Он резко разворачивается.

– Что в такую рань то? – жалобно сказал он.

– Коров доить нужно, если не хочешь, чтобы они замостители. Так как? Ты признаешь, что слабее девчонки? – приподнимаю бровь, насмешливо улыбаюсь.

– В пять, так в пять, – пошёл наверх.

– Кевин... – растерянно кричала Дарейя. – Куда ты?

– Отсыпаться пошёл, ему завтра вставать рано.

– Убогая! Как тебе удалось развести его на слабó?

– Может не такая уж и убогая? А, красотка? – подмигиваю ей. – Переключись на другого.

Этот парень будет занят весь день, и на тебя ему сил не хватит.

Стою, зеваю. Солнце только встало, на улице туман, от выпавшей росы сыро и промозгло: ёжусь, закутываюсь сильнее в тёплую кофту. Жду Кевина. Неужели передумал? А я так хотела отдохнуть сегодня. Коровы требовательно мычат, ждут еду.

Я уже хотела приниматься за работу, когда увидела сонного Кевина.

– Привет, – буркнул он. С улыбкой оглядела его. – Что? – непонимающе посмотрел на меня.

– Ты серьёзно будешь убирать в этих дорогих ботинках?

– А что? – вздохнула, закатила глаза, выдала ему пару резиновых сапог.

– Я это не обую! Они не подходят к брюкам. – рассмеялась.

– Ты не на фотосессию собираешься. Не выпендривайся, одевай!

Он переодевается, отдаю ему перчатки, мы заходим в сарай.

– Фу, блин! – недовольно зажимает нос. – Чем так воняет?

– Сам догадаешься, или подсказать? – меня веселит его реакция. – Даю ему вилы и тележку, сажусь на перегородку.

– Давай, гребни! – команду им.

Какое это удовольствие, смотреть, как другие работают. Надо отдать должное, Кевин быстро со всем справился. Натаскал сена, всех покормил.

– И всё? – довольно спрашивает он, снимая перчатки.

– Нет, мой руки, иди доить.

– Кого? – рассмеялась.

– Глупый вопрос. Не меня же!

- Что, и это я должен делать? – оглядывается на нетерпеливо переступающих коров.
- Ну, если ты признаешь, что слабее девчонки, тогда не нужно.
- Ладно, рассказывай, как это делается.

Притаскиваю тазик с мыльной водой, ставлю стульчик напротив коровы. Она волнуется, оглядывается на него, недовольно бьет хвостом.

Во-первых, она привыкла только ко мне, во-вторых, он оборотень.

Кевин садится на стул, моет вымя, потом насухо вытирают.

– Показывай, что дальше?

– Массаж делай.

– Тебе? – непонимающе смотрит то на меня, то на корову. Смеюсь.

– Не мне, корове. Вымя погладь, а то она молоко тебе не даст.

Показываю, как надо, Апрелька довольно жмурится, когда руки Кевина неуверенно касаются её, корова распахивает глаза, потом привыкает, и искренне балдеет.

– Всё, можешь доить.

– Как?

– И я спрашиваю: как? Как тебе удалось столько лет прожить в детском доме и ни разу этим не заниматься?

– Не знаю, – конечно, это была моя обязанность.

– Смотри, – показываю ему, как надо, белые струйки молока, с металлическим звуком льются в ведро.

– О! Всё просто. Я сам!

Когда Кевин начинает доить, Апрелька волнуется, бьет хвостом, пару раз попадает ему по лицу. Потом так зарядила ему копытом, что оборотень отлетел в сторону на добрых два метра

– А! – кричит он. – Чертово животное!

– Тише ты! Напугал бедняжку, – подхожу к корове, глажу её по морде, чешу шею. Шея – это её любимое место, она довольно жмурится, вытягивает её, просит ещё ласки.

– Бедняжка? Да она так меня лягнула!

– Не болтай. Давай дои, пока я ее успокою.

– Как это у тебя получается? Ты всё время этим занимаешься, а она тебя слушается.

– Не всегда. Я тоже первое время так летала по всему сараю, потом научилась уворачиваться, а потом она привыкла.

С остальными дело пошло лучше.

Налили молока в бутылочку, идём кормить телят.

Кевин держит бутылочку, телёнок с радостным причмокиванием пьёт, пуская слюни.

– Прикольный, – улыбается оборотень, чешет его по голове.

– Этот телёнок – Апрелькин.

Кевин, какой-то хмурый, сводит брови вместе, а потом вообще говорит то, от чего у меня глаза расширяются.

– Ты извини, что издевался над тобой, это, правда, тяжёлая работа. И я врал, ты красивая, тебе даже краситься не нужно.

– Непривычно слышать это от тебя, – похоже, не только обезьяну изменил труд, даже на оборотня повлиял. Сбил всю спесь.

– А ты куда поступил?

– В ЭМА, вместе с Дареей.

– Я тоже хотела туда поступить, но мне пришёл отказ.

– Не может быть.

– В смысле?

– Я видел тебя в списках абитуриентов.

– Как такое возможно? Ты, видимо, ошибся.

- Нет, я не мог ошибиться.
Что это значит? Кому верить? Может, он так решил подшутить надо мной?
- Тебе, как и всем детдомовским, общежитие дали и стипендию назначили. Заезжать можно раньше, до начала учебного года.
- Но я видела письмо, там чёрным по белому написано: я не принята, – как хочется верить ему. Может, правда, в академии ошиблись и отправили письмо не тому человеку?
- Не знаю, что тебе на это сказать, – он улыбнулся. – Всё этот обжора все выпил. – убирает бутылочку. – Куда теперь?
- Грядку копать.
- Зачем?
- Тебе лучше спросить это у директрисы, для следующего сезона, наверное. Прочедили молоко, Ребекка собрала корзинку с завтраком, идём в огород.
- Да уж! – Кевин озадаченно смотрит на высокую траву. – Как тут копать? Всё же заросло? Что ей, тех грядок не хватает? – кивает на ухоженные грядки.
- Видимо, да, – пожимаю плечами.
Кевин копает, я лежу, смотрю, как его футболка взмокла, как со лба капает пот.
- Всё! Не могу больше! – откидывает лопату в сторону, обессилено падает рядом со мной.
- Хочешь яблоко? – достаю из корзинки фрукт с румяным, красным боком.
- Давай, – тянется рукой.
- Нет, у тебя руки в земле. Ешь с моих рук, – он откусывает и смеётся.
- Не проще нанять какого-нибудь мага? Он быстро бы перевернул всю землю.
- Маги стоят дорого, а наша работа бесплатная.
- Как ты терпишь это унижение? Послала бы её куда подальше, – закипаю, легко ему говорить!
- А ты? Как тебе быть на вторых ролях?
- Ты про что?
- Даря крутит то с одним, то с другим, и ты со всем мирисься.
Думала, обидится, убежит и не будет больше со мной разговаривать, но он согласно закивал.
- Ты права, – задумчиво произнес он. – Но она самая популярная девчонка.
- И что? Я считаю, это унижительно. Популярной её делаете вы.
- Слушай, Миди, ты мне нравишься. Давай дружить? Забудем все обиды, и начнём сначала? Если тебе понадобится какая-то помощь, я всегда готов её оказать.
- Зря ты предлагаешь, я ведь попрошу, – сузив глаза говорю ему.
- Давай! Я готов, хоть сейчас.
- Нет, сейчас не нужно, ночью. И это не совсем законно. Так что? Ты всё ещё хочешь помочь?
- А ты ещё та затейница. Ладно, раз уж сам напросился, по рукам, – протягивает мне руку.
- По рукам, – пожимая ему руку и улыбаюсь в ответ.
- У тебя красивая улыбка, – сверкает белоснежной улыбкой оборотень.
- У тебя тоже, – смеюсь и краснею.
- Вот, значит, как! – поворачиваем голову, над нами возвышается Даря. – Ты променял меня на эту убогую?
- Даря, ты неправильно поняла, мы просто... – не успела договорить.
- Да, – говорит Кевин, ошарашенно смотрю на него. – Знакомься, моя девушка.
- Что?!
- Даря буквально закипает, ещё чуть-чуть и пар из ушей пойдёт.

– Ты врешь! – она сузила глаза, сжала кулачки. Кевин притягивает меня к себе и шепчет на ухо: подыграй.

– Что ты так расстроилась, Даря? Иди, тебя Крис утешит, а может, кто-то другой.

Топнув ногой и прошипев: «Ты ещё пожалеешь, Миди», Даря развернулась и ушла.

– Что это было? – возмущенно смотрю на него.

– Я помогаю тебе, а ты мне. Не бойся, это всё понарошку. Мы просто друзья. Не воображай себе ничего такого.

– Больно нужно! – фыркнула.

Мы весь день провели вместе с Кевином, Даря проходила мимо нас, делая вид, что не замечает нас.

Поздно ночью, когда все спали, хихикая, мы крались по коридору. Я остановилась возле кабинета директора.

– Ты хочешь залезть туда?

– Да.

– Зачем?

– Хочу уехать отсюда, как и все выпускники, – дергаю ручку двери, естественно, она закрыта. Достая из кармана отмычки и ковыряюсь в замке.

– Долго ещё? – он воровато оглядывается по сторонам.

– Сейчас, почти, – он закатил глаза, забрал у меня отмычки, повернул несколько раз и дверь поддалась.

– Прошу, – с обворожительной улыбкой пропускает меня вперёд.

– Спасибо, – удивлено смотрю на него. – А ты полон сюрпризов.

Иду к столу директрисы, открываю ящик за ящиком.

– Что мы здесь ищем?

– Мои документы. Она не хочет меня отпустить, а без них я не смогу уехать.

– Конечно, не хочет, – язвительно заметил он, – где она ещё возьмёт такую рабсилу! – он присоединяется к поискам, обшариваем ящики.

– Миди, это кажется твоё, – он протягивает мне стопку писем. Направляю на них фонарик.

– Это письмо из академии, – упавшим голосом говорю я. Открываю первое попавшееся, пробегаю глазами по строчкам.

– Что там? – заглядывает через плечо.

– Тут говорится, что я принята ещё месяц назад! И они предоставляют мне общежитие, как сироте, и учебники, и форму! А главное: стипендию! Всё за счёт академии!

– Я же говорил! – он довольно улыбается, визжу от радости, меня в буквальном смысле распирает, обнимаю его.

– Спасибо тебе, Кевин, – вытираю слёзы. – Я так мечтала об этом, готовилась, занималась. Хотела на будущем году штурмовать академию.

– Мы теперь вместе будем учиться. И моя комната – соседняя. Так что, если у меня будут проблемы с теорией, я к тебе. За тобой должок, ты меня сделала воришкой, – в кабинете загорается свет, и я испуганно прижимаюсь к Кевину.

– И вы ответите за это! – в дверях стоит директриса, в бигуди, и в шелковом халате. – Вы незаконно проникли в мой кабинет!

Она подходит к нам, дёргает меня за руку и шипит, брызгаясь слюной:

– Ты! Маленькая дрянь! Всю жизнь будешь пахать на меня! Я сгною тебя здесь!

Кевин вырывает меня, задвигает за себя.

– Вы не посмеете! У вас нет такого права: силой удерживать воспитанников.

– Да? И что ты сделаешь?

– Напишу письмо Эдуарду Аманатидису, он не только профессор, но ещё председатель магического профсоюза. Он защищает всех магов, даже абитуриентов. Как, интересно он отнесется к тому, что вы удерживаете у себя и нещадно эксплуатируете будущую талантливый студентку?

Директриса побледнела, а я с благодарностью смотрела на Кевина, меня никто и никогда так не защищал.

– И мы забираем это, – он достает мои документы из ящика. Советую вам поискать другого скотника. Миди уезжает, как и все.

– Ну и пусть валит! Тварь неблагодарная! Когда её полуживую притащили из леса, я приняла её, выхаживала. И это твоя благодарность, Мидэя?

– Что, мне теперь пойти к вам в вечное рабство? Нет уж! Спасибо.

Кевин вывел меня из кабинета.

– Спасибо тебе, – не знаю, как его благодарить.

– Ничего сестрѐнка, не дрейфь, прорвемся, – щелкнул меня по носу, обнял за плечи и проводил до комнаты.

Я еду! Я поступила! Прыгаю как сумасшедшая по комнате, не чувствуя никакой усталости.

Моей радости нет предела, наконец-то я получила шанс изменить свою жизнь, и зубами буду держаться за него.

Глава вторая

Следующий день – сборы, но мои обязанности никто не отменял.

Я уже начала чистить, когда в сарай пришел Кевин.

– Привет. Сегодня я соответственно оделся? – он покрутился вокруг себя. На нём старые джинсы, потертая футболка, кожаные сапоги.

– Да, в самый раз. Что пришёл?

– Как я брошу свою подругу? Тем более, Апрельке больше нравится, когда я её дою.

– С чего вдруг?

– Я умею находить путь к сердцу женщины, – достает из кармана морковку и кормит её.

Предательница довольно хрумкает.

Вдвоём мы быстро всё переделали. Кевин нёс ведро с молоком.

– Ты не будешь скучать по своим зверям?

– Буду, конечно, но я хочу учиться, хочу чего-то добиться в жизни. Моя прабабушка в мои годы уже сражение выиграла. А я? Чего добилась? Виртуозно чищу сарай? – он рассмеялся.

– Какая ты смешная, Миди, – обнял меня.

Я уже не помню, как это, когда тебя обнимают, чувствовать чьё-то тепло, видеть, что кому-то нужен и важен.

Нет, я к нему отношусь не как к парню, влюбленности нет, он мне почти как брат.

– Какая идиллия! Два свинопаса! – Даря похлопала в ладоши. – Отличная пара! – Крис рассмеялся.

– Да, я согласен. Пошли. – Кевин утянул меня за собой.

– Похоже, она ревнует. – смеясь сказала ему.

– Очень! Поэтому и кинулась утешаться в объятия Криса.

– Тебе она нравится?

– Теперь не особо. У меня есть девушка получше.

– И кто она?

– Ты. – Кевин внимательно посмотрел на моё вытянувшееся лицо, рассмеялся. – Я шучу!

Что ты так перепугалась?

– Шуточки у тебя, однако.

Вечером собрала вещи. Я в предвкушении чего-то нового. Завтра моя жизнь круто изменится. Не знаю, в лучшую или худшую сторону.

Утром за мной зашёл Кевин. Его сумка была перекинута через плечо.

– Готова, красотка?

– Так уж и красотка?

– Конечно, – он взял мой чемодан, сумку перекинул через второе плечо.

– Пошли, автобус скоро приедет.

Мы стояли у ворот детского дома, я с тоской оглядывалась. Не думала, что буду скучать по этому месту, всё-таки я столько лет здесь провела. Даря смотрела на нас, кривилась.

– Какие у тебя волосы шикарные, – он крутил в руках длинную кудрявую прядку.

– Белые! У всех сирен они золотые, только у меня белые.

– А мне нравится. А почему так?

– Из-за отца, гены.

– А да, я помню! Учили по магистории. Как тебе, кстати, когда говорят про твою семью?

– Ужасно. Они так сухо, обыденно рассказывают, про ужасную трагедию, – обернулась, к нам шла директриса.

– Миди, – ласково начала она, – иди сюда, мне нужно поговорить с тобой.

Отходим в сторону.

– Я прошу тебя, не уезжай, хотя бы до начала учебного года. Ещё недельку поработай здесь, новенького обучи. Ни черта же не справляется!

Неожиданно, она просит о помощи у меня?

– Нет, не останусь, – если я сейчас не уеду, чувствую, застряну надолго.

– Какая же ты...

– Неблагодарная? – усмехнулась я.

– Да! Ладно, я! Но ты даже скотину не пожалела.

Директриса знает, где моё больное место.

– Скажите одно, это вы подделали письмо из академии?

– Да! Нечего делать там, таким убогим, – я не держала на нее зла.

– Хочу с вами попроситься. Как бы там ни было, мы столько лет знаем друг друга. Надеюсь, вы когда-нибудь найдёте своё счастье, и перестанете плевать ядом. Жаль мне вас, как это ужасно, наверное, гореть в вечной злобе, и трястись над награбленными миллионами.

– Гадина.

Я улыбнулась, никому не позволю испортить себе настроение.

– Всего доброго, – пожимаю ей руку.

Обернулась, как раз подъехал автобус.

– Миди, давай быстрее! – Кевин грузил вещи в автобус.

Мы ехали три часа, выпалась на плече Кевина.

– Приехали, Миди, – он трясет меня за руку.

Оглядываюсь, мы уже в аэропорту, потом ещё шесть часов лететь до острова, где находится академия.

Мы шли к зданию, когда услышала восхищенные возгласы друга.

– Ни хрена себе! – воскликнул Кевин.

– Что?

– Ты посмотри, какая красивая ведьмочка!

Осмотрелась по сторонам. Нам навстречу, шла высокая девушка, в экстра мини, с глубоким декольте, где были видны все прелести, Чёрные волосы кудрями спадали на плечи, в зелёных глаза: насмешка.

– С чего ты взял, что она ведьма?

– Смотри позади неё.

За ней летела метёлка, на черенке висел небольшой котелок, на нём сидел чёрный кот.

– Класс! Но она птица большого полета, не по зубам тебе, – поддела друга.

– Ещё посмотрим, крошка, – он взъерошил волосы. – Миди, справишься с чемоданом, а я помогу ей.

– Иди уже герой-любовник, – засмеялась.

Кевин пустил в ход все свое обаяние, сверкал белозубой улыбкой, сыпал шуточками, но она смотрела на него свысока, насмешливо.

– Ха-ха-ха! – Даря в прямом смысле, святилась от счастья. – Я смотрю, Кевин прозрел и бросил тебя!

Как мало человеку нужно для счастья: кому-то плохо, и всё, её день сложился.

– Даря, что ты пристала? Следи лучше за Крисом, он уже глаз положил на блондинку, – она со злобной усмешкой повернулась.

– Как положил, так и уберёт. Черт! Эта дракониха! На них все парни западают. – меня передернуло, ненавижу этих тварей: драконов. И у меня на это есть веская причина, сволочи, перебившие всю мою родню, не могут мне нравится.

– Как ты догадалась?

– У неё кольцо с огнедышащим драконом.

Даря убежала спасать свои отношения, а я остановилась, мой чемодан на колёсах зацепился за решетку, дергала, придерживая сумку на плече.

– Девушка, позвольте я вам помогу, – передо мной опустился на корточки парень, освобождая мой чемодан. Я вижу только его макушку. Сердце бьется сильнее, не знаю, почему.

Он поднимает голову – и всё, я понимаю, что мир улетел в тартарары. Смотрю в глаза цвета молочного шоколада, на широкую, белозубую улыбку, чувствую, как краснеют щёки. Он у моих ног, сердце бьется сильнее.

– Я Алонзо. – встает, и теперь он смотрит сверху вниз на меня.

– Я Миди.

– Позвольте ваш багаж, – берет сумку за ремешок, надевает на себя, а когда перехватывает ручку чемодана, наши руки соприкасаются, и меня бьет током.

Что же со мной творится?

Сдаём багаж, Алонзо предлагает пойти в кафе. Его рука ложится на талию, он притягивает меня к себе, запах бергамота и лимона окутывает, к ним присоединяются ароматы кожи и табака, кружат мне голову. Чувствую непривычное волнение во всём теле, словно маленькие фейерверки взрываются во мне.

Нужно отстраниться от него, мы знакомы несколько минут, и то, что происходит, недопустимо.

Но я не могу, я одурманена этим человеком.

Он заказал мне горячий шоколад и пирожное, не позволив расплатиться.

– Никогда не встречал такой красоты, – задумчиво прошептал он. Я покраснела, чуть не подавилась пирожным.

– Что? – он потряс головой.

– Я говорю, пирожное красивое, – ох, а я уже напридумывала себе невесть что. Что он так отзывается обо мне.

– Миди, расскажите о себе?

– Нечего рассказывать: я сирота с шести лет, жила в детском доме.

– А куда вы летите?

– В академию.

– В ЭМА?

– Да.

– Надо же, это отлично. Предлагаю вам свою дружбу, и давайте перейдем на «ты».

– Хорошо, с удовольствием. – Он улыбнулся, ускоряя моё сердцебиение.

Объявили посадку, он расплатился, взял меня за руку, переплетая нашей пальцы.

Интересно, есть ли у него девушка? Почему меня волнует этот вопрос? Не могла же я влюбиться, увидев человека один раз, ничего о нём не зная?

Прошли регистрацию, Кевин подмигивал мне, показывал большой палец, он так и таскался за ведьмочкой, теперь на его руках сидел чёрный кот.

Я села в самолёт, возле окна, в экономе, рядом со мной опустился расстроенный Кевин.

– Она летит в бизнесе. А твой что?

– Он не мой! – покачала головой. – И он тоже в бизнесе. И как обстоят дела с ведьмочкой?

– Неприступная попалась. Ну, ничего, это даже интересно, пусть побрыкается, слаще победа будет.

– Ты страшный человек, – рассмеялась, уткнулась ему в плечо. – Кевин, а бывает любовь с первого взгляда?

– Серьёзно? Ты, что ли, втюрилась?

– Сама удивляюсь, глупость какая-то.

– Ничего, ты ему тоже понравилась, он всю дорогу руку твою не отпускал.

– Ты, правда, так считаешь? – сердце забилося сильнее, оно сегодня вообще с ума сходит.

– Поверь, мне со стороны виднее.

– Ерунда это, он просто был вежливым.

– Ага. – Кевин расплылся в улыбке. – Поэтому он идет сюда, вместе с вещами?

Я приподнялась с кресла, Алонзо искал меня взглядом, увидев, улыбнулся, опустил глаза, подошёл к нам.

– Привет. Как тебя зовут? – обратился он к Кевину.

– Кевин. А что ты хотел?

– Я хотел бы тебя попросить, поменяться местами.

– Ну и зачем мне это надо? – вот сволочь! Только что переживал, не знал, как быть поближе к своей ведьмочке, а тут сопротивляется. Толкнула его в бок, многозначительно посмотрела на него.

– Может, за этим? – Алонзо протянул ему пятьсот эдвиров.

– Серьёзный аргумент. – довольно улыбнулся вымогатель, достал сумку и подмигнув мне, ушёл.

Алонзо садится рядом, наши ноги соприкасаются, я краснею, похоже, это моё постоянное состояние рядом с ним.

– Миди, извини, но я хочу знать, кто он тебе? – у него сосредоточенное, взволнованное лицо.

– Друг, – он облегченно выдохнул, повеселел.

– Я тебя знаю не больше часа, и ещё не знаю, что со мной творится, это впервые, понимаю, это несколько поспешно... Ты будешь моей девушкой? – на выдохе говорит он последнюю фразу.

Что?! Ошеломлённо смотрю на него, Алонзо быстро тараторит.

– В академии полно парней, и как только они тебя увидят, я уверен, будут ухаживать за тобой. Я не могу так рисковать. – Его девушкой?! – Я же вижу, что нравлюсь тебе. Миди, не молчи, пожалуйста. Это несвойственно мне, я никогда, никому это не предлагал.

Я просто в шоке. Я ему понравилась! Самому красивому парню в моей жизни!

– Миди... – он берёт мою руку в свою, от чего мое дыхание учащается, подносит к губам, плавит меня своим проникновенным взглядом, выворачивает всю душу наизнанку. Мягкие губы касаются кончиков пальцев невесомым, легким поцелуем. По телу разливается тепло, согревающее душу.

– Алонзо я... – хочу этого, – согласна.

Он берёт мой подбородок, смотрит в глаза, ждёт разрешения, облизываю пересохшие губы. Алонзо касается моих губ своими, исчезает весь мир, сердце замирает, а потом начинает колотиться с бешеной скоростью, обвиваю его шею руками, притягивая ближе, его сильные руки сжимают мою талию.

Пусть это глупо, безрассудно, но я знаю: это моя судьба. Я словно знаю его всю жизнь, такое ощущение, что мы встречались раньше, я не могу вспомнить, где.

– Кхе-кхе, – слышу женский голос возле нас. Отскакиваю, пойманная на постыдном поступке, отворачиваюсь, увидев осуждающий взгляд стюардессы. – Извините молодые люди, но такое поведение недопустимо, не в самолете.

– Простите, пожалуйста, – упавшим голосом говорю ей, готовая стореть со стыда на месте.

На соседнем ряду слышу язвительные смешки и осуждающие взгляды. Дарей качает головой, одними губами говорит: «Ай-яй-яй!» Дожили! Девушка лёгкого поведения осуждает меня!

– Господи, стыд то какой, – утыкаюсь носом в его шею, дурманящий запах облегчает страдания, крепкие мужские объятия дарят покой.

– Миди, перестань. Ничего такого не случилось. Ты моя девушка, я имею право тебя целовать, где хочу. В том и смысл отношений.

На слове "моя" сердце замирает, вглядываюсь в тёплые карие глаза, в них столько нежности.

Мой первый поцелуй был подарен практически незнакомому парню, ставшему моим. "Моим" проносится в моей голове, улыбаюсь.

Не прошло и суток, как я покинула стены детского дома, где никогда ничего интересного со мной не происходило, словно жизнь замерла на месте, и тут путешествие, интересный парень, первый поцелуй, жизнь насыщена событиями.

Покопалась в душе, ища раскаяние за совершенное, но его не было, наоборот, ощущение, что я всё правильно делаю, что так и должно быть, что это мой парень, моя судьба.

– Надо мной сестра смеётся. – улыбаясь говорит он.

– Почему?

– Говорит: гроза всех девушек попал в плен, и так быстро. Она мечтает с тобой познакомиться.

Гроза девушек? И сколько у него их было? Неприятно, он-то у меня первый. С другой стороны, это была бы ненормально, если бы в его возрасте, он ни с кем не встречался.

Послышалось грозное шипение. Это Даря на соседнем ряду ругалась с Кристианом.

– Ты бросаешь меня из-за драконихи? Один взгляд на неё, и ты поплыл? Ты в своём уме?

Что-то меня насторожило в этой фразе, но я не могла сосредоточиться, поездка вконец меня вымотала.

Объятия Алонзо окутали меня, как пуховое одеяло, поцелуй в макушку и слово: «Спи», прикончили меня, я уснула.

– Миди, – горячее прикосновение к щеке разбудило меня. Потянулась, открыла глаза и встретила нежный взгляд Алонзо.

– С добрым утром, красавица, – посмотрела в окно, где над пушистыми облаками проглядывало красное солнце

– Уже посадка скоро.

– Я что, уснула?

– Да.

– А ты так и не спал?

– Не смог, боюсь тебя потерять, боюсь закрыть глаза понять, что это сон. Ты только не смейся, я тебе расскажу одну историю про себя. Однажды я видел тебя, во сне, но тогда ты была маленькой и место было нереальным.

– Как же ты узнал, что это я?

– Когда наши руки соприкоснулись, это были те же самые ощущения, что и во сне, много лет назад. Я тебя так долго искал. Был уверен, что тот сон – реальность. И ты существуешь. Искал тебя в каждой девушке, когда нашёл, не сразу узнал, ты изменилась, только ощущения рядом с тобой остались прежними. Не заморачивайся, просто не выспался. Прости, если напугал тебя, ты сейчас, наверное, думаешь, что я сумасшедший?

– Нет. Я тоже чувствую, что знаю тебя всю жизнь.

– Ох! Остров! – воскликнула Даря, прерывая романтику между нами, она прилипла к иллюминатору. – Какой огромный! Море! Белый песок! Боже, я не верю, что буду жить здесь! Ой, вот академия, – оглядываясь на спутника, она тыкала пальцем в иллюминатор.

– Где? – спрашивал он, заглядывая в окно.

– Ну вот, огромный серый замок, а кругом лес, поле. А вон и пляж недалеко. Это рай!

Я тоже прилипла к иллюминатору. Бесконечное голубое море, на острове: горы с гротами, зелёные деревья, от академии до городка далеко.

Академия величественно возвышалась, даже смогла рассмотреть статуи на нём.

– Красиво. – Алонзо заглядывал через мое плечо, и я в один миг забыла о красоте внизу, потому что его дыхание обожгло мне шею.

– Представляешь, мы будем учиться вместе, может, даже одну комнату выпросим.

Увидев испуганное выражение моего лица, поправился:

– Не сейчас, со временем. Будем вместе ходить гулять.

Я представила, как это будет чудесно, я больше не буду одинока.

Мы приземлились.

Стояли в обнимку с Алонзо, ожидая багаж. Он иногда чмокал меня в щеку, я обнимала его за талию, молила бога про себя: пусть это не кончается никогда, пусть мы будем вместе, ведь должна же начаться белая полоса? Сколько ещё будет ужасов в моей жизни? Интересно, а мама бы одобрила его?

Крепче прижалась к нему. Не расстанусь с ним! Ни за что! Пускай хоть мир рушится, его я не отпущу!

– Привет! – рядом с нами остановилась дракониха, та самая.

Ощетинилась, скривилась, по моим венам, словно кипящая лава, разливалась ненависть. Она протянула мне руку для рукопожатия.

– Я Эльза, – с нажимом сказала она, а я мысленно расчленила её на мелкие кусочки. – Ты не пожмешь мне руку? – она насмешливо приподняла бровь.

– И не подумаю, – грубо сказала ей.

– Почему?

– Я не жму руку драконам, и не желаю иметь с вашим проклятым родом ничего общего!

– Забавно, что за двойные стандарты?

– В смысле?

– Обниматься с драконом ты можешь.

До меня не сразу дошел смысл её слов, когда поняла, о чём говорит Эльза, отпрыгнула от Алонзо, как будто он превратился в мерзкую и склизкую жабу.

– Миди, ты чего? – он непонимающе смотрит на меня.

– Ты дракон?! – говорю громче, чем позволяет приличия, на нас оглядываются люди, но сейчас мне всё равно.

– Да, а что? Это проблема? – он хмурится.

– Да!

– И почему? Миди иди сюда. – он тянет руки ко мне, отступаю на шаг. – Что происходит? Я не понимаю? – с тоской говорит он.

– А то, что я сирена! Не нужно объяснять, почему это огромная проблема?!

– Что?! Это невозможно! Ты врешь! Скажи, что это шутка! У сирен золотые волосы.

– У всех, кроме меня. Не приближайся больше ко мне! Никогда! – с ненавистью беру подъехавший на ленте багаж.

Иду, вытирая слёзы.

Господи, за что? Как я могла влюбиться в дракона? Во врага! Предателя! Убийцу!

Не он, конечно, убивал, его родственники, но всё же.

Сердце раскололось на куски, в душе такая боль, что хочется орать, упасть на пол, и биться в истерике.

Теперь мне хочется убежать обратно, в детский дом. Как я буду учиться с ним в одной академии? Встречаться с ним в коридоре?

Глава третья

Вышли из здания аэропорта, я отшатнулась, возле автобуса, который почему-то был без колёс, стоял пещерный гоблин. Я впервые вижу его вживую.

Он сутулился, на спине у него был горб, заостренные уши подрагивали от раздражения, красные глаза презрительно рассматривали меня, длинные серые руки с огромными черными ногтями потянулись к моему чемодану.

– Позволь, я возьму, – он изобразил улыбку до ушей, я постаралась ответить, но, скорее всего, у меня получился оскал.

– Деревенская? – он закатил глаза.

– Что, простите?

– Ты так смешно выпучила глаза, впервые видишь гоблина?

– Да, извините, если я вас обидела. Я не специально, – покраснела.

Так неприятно быть невоспитанной невеждой. Я просто растерялась, и не смогла скрыть свою реакцию.

Он загружал вещи в автобус.

– Простите, а разве этот автобус исправен? – спросила у гоблина.

– Диагностикой занимаешься? – насмешливо спросил он, уголки его губ почти достали до уха.

– Нет, просто... А где колёса?

– Ох, провинция! Садись в автобус уже.

Вот грубиян! Поднялась по ступенькам, села на заднее сиденье, рядом со мной опустился довольный Кевин.

– Что у тебя с ведьмочкой?

– Её зовут Тасмин Лаво. – мечтательно закатил глаза.

– А, ясно. Почему у тебя кофта обязана вокруг талии?

– Моя горячая девочка постаралась. – блаженно улыбнулся Кевин, зачесал упавшую на глаза белую прядку.

– Каким образом?

– Я не хочу об этом говорить. Ты будешь смеяться.

– Колись уже! – толкнула его плечом.

– Я ей сказал, что у меня самые красивые ягодички...

– И?

– Что и? Она попросила продемонстрировать, повернулся, а она меня подпалила, – я засмеялась.

– Подруга называется! – скрестил руки на груди и отвернулся.

– Ну прости. – обняла его за шею. – Не дуйся. Просто она права. Я бы на её месте, так же поступила.

– Ты владеешь стихией огня?

– Нет. Я бы тебя спичками подпалила. – прыснула от смеха, представив картину.

– Ох уж эта женская солидарность! А что у тебя с Алонзо? – перестала смеяться, нахмурилась.

– Я не хочу об этом говорить.

– Миди, я же тебе всё рассказал, ты...

– Не могу сейчас, потом как-нибудь.

Наш автобус поднялся на метр и плавно двинулся вперёд. Выглянула в окно.

– А как он едет? – спросила Кевина.

– Летит. Это специальная разработка профессора Аманатидис. Подробности не знаю.

- А что, ведьмочка Тасмин на метле полетит?
- Нет, они с твоим едут на другом, для богатеньких. – Кевин скривился.
- Он не мой! – Кевин усмехнулся. – Может, ну её? Похоже, она та ещё принцесса.
- Ничего, я собою с неё всю спесь.

Впереди показался замок.

Мы проезжали по брусчатой дорожке, по бокам невысокий каменный забор, за ним полянка с ровно подстриженной травой, клумбы с цветами.

Автобус остановился, и мы поспешили выйти.

– Да уж! – Кевин, задрав голову, смотрел на высокий замок, которой окутывал зелёный плющ.

Гоблин проводил нас до холла, выгрузил вещи. Нам навстречу шла невысокого роста женщина, в сером брючном костюме, с седыми волосами, собранными в кичку.

– Добрый вечер, абитуриенты. Я профессор Кюри. Я буду вести у вас домоводство, а также, мне велено заняться вашим размещением в общежитии. Сейчас я назову фамилии, а второкурсники вас проводят по комнатам. Если эти оболтусы почтут нас своим присутствием.

Эти самые «оболтусы» прибежали, пихая друг друга локтями. Увидев строгий взгляд профессора, остановились, опуская голову. Вперед всех вышел рыжий парень.

– Простите профессор, задержались.

– Я не удивлена, Фабио, другого я от тебя не ожидала, – смерила его презрительным взглядом.

Она называла фамилии, корпус, номер комнаты и ученики расходились.

– Мидэя Бишоп: корпус два, комната тринадцать. Кевин Спейс: корпус два, комната четырнадцать, – радостно переглянулись: мы с ним соседи. – Идите, что стоите? Фабио, проводи, – подала ему знак рукой.

– Давай красотка, помогу с чемоданами, – рыжий бесцеремонно снял сумку с моего плеча. – А то твой друг не отличается галантностью. Я Фабио. – представился он.

– Да, я слышала. А я Мидэя, а не красотка.

– Готов с этим поспорить.

– Эй, парень, полегче, – Кевин улыбнулся, и шепнул мне на ухо:

– Ты пользуешься успехом, – я скривилась.

– Ага, сомнительным.

Наши гулкие шаги эхом разносились по пустому коридору, Я уже запуталась, сколько мы поворотов сделали. Шли по коридору, вдоль стены стояли коричневые шкафы со стеклянными дверцами, внутри грамоты, кубки. Потом поднимались вверх по мраморным ступеням лестницы. С интересом рассматривала чугунные, ажурные перила лестницы.

– Комнаты пока открыты, временное неудобство, – говорил Фабио. – Каждый, кто въезжает, сам меняет замок. Ваш: второй этаж.

– Надеюсь, карта есть, а то я заблужусь. Вряд ли меня кто-то найдёт в таком лабиринте, буду местным призраком.

– Глупости, – махнул рукой Фабио. – Я же привык. Запомни: вдоль коридора, налево, потом направо, проходишь семь комнат, спускаешься вниз...

– Всё, достаточно, – подняла вверх руки, в знак капитуляции. – Я теперь точно запутаюсь.

– Извини. Через неделю занятия. Вы готовы?

– Да, но страшно немного, вдруг вылечу.

– Да, это запросто. Но главное экзамены вовремя сдать. Вот и пришли, – он толкнул дверь. – Твоя комната напротив. – кивнул он Кевину.

– Ух ты! – восхищался Кевин, – Прикольная квартирка.

– Не обольщайтесь так, она на двоих. Кого-нибудь к тебе поделят. – сказал Фабио.

Бросила сумки на пол, кружилась.

Подбежала к арочному окну, из него открывался вид на пруд.

– Лебеди! Кевин там лебеди! – он рассмеялся. Я продолжала бегать по маленькой квартире, открывая двери комнаты. Первая, была в розовых тонах, с белой мебелью, следующая: в голубых тонах.

– Эту хочу! Кевин принеси сумки сюда.

Дальше по коридору были ещё две белые двери, за одной была огромная, прозрачная ванна, шкафчики с зеркалом и, по размерам ванная комната, как моя, в детском доме.

Кухня: отдельная тема. Столько техники, круглый белый стол посередине, милые шторы на окна.

Вернулась в свою комнату, упала на мягкую кровать.

– Моё! – радостно кричала. Ни подъемов раньше солнышка, ни противной директрисы, я сама себе хозяйка.

– А ты прикольная, – Фабио сел на стул напротив. – Второй этаж занимают второкурсники. Заходи, чаю выпьем. Мне родители варенье вкусное прислали.

Смутилась, села на край кровати. Совсем забыла, что я не одна.

– Мне вещи разбирать нужно.

– Я не прямо сейчас зову, вечером заходи, – встал и ушёл.

– Ну ладно, ты устраивайся, я пойду свою гляну, – Кевин поставил мою сумку на пол.

Я вешала свои немногочисленные пожитки, когда услышала стук каблуков, и возглас:

– Господи! Какое убожество! Совсем академия разорилась! И я здесь должна жить? Мама, купи мне дом! Да ладно! Подумаешь, прокляла твою подругу, всего-то прыщами обсыпало, ну, повалилась в коме пару дней и всё! Ну, если тут клопы, я проклянусь и вас. – дверь распахнулась и на пороге стояла ведьмочка, Тасмин. Отодвинув магфон от уха, смерила меня презрительным взглядом, словно, я навоз какой-то. – Мама, я тебе перезвоню.

– Что ты тут делаешь? Ты что, воровка?

– Нет, я твоя новая соседка. Очень приятно познакомиться. Я Миди, – протягиваю руку, она кривится.

– Я не собираюсь с тобой жить!

– Девочки, – к нам заходит профессор Кюри, – устроились уже? Познакомились?

– Слушайте, вы, старушка в костюме прошлогодней коллекции, уберите эту! – она тычет в меня пальцем.

Я думала, Даряя самая раздражительная, надменная, высокомерная... Оказалось, Тасмин переплюнула её. Одним словом: ведьма!

– Тебе надо, ты и уходи. Я сюда первая заселилась.

– Мадам Кюри, – злобно шипела Тасмин, – я дочь верховной, возможно, в будущем займу место мамочки. Почему я должна делить комнату с какой-то убогой?

– Не нравится? Вот бог, вот порог – жёстко сказала профессор. – Вы – только абитуриенты, должны пройти жесткий отбор и запросто можете вылететь отсюда – Тасмин мерзко улыбнулась, похоже, пакость задумала.

Она подошла ко мне и прошептала на ухо:

– Ты вылетишь отсюда, поверь, я постараюсь.

– Успокойся уже, я не нравлюсь тебе, как соседка, поверь, я тоже не в восторге от такого соседства. Давай будем искать компромисс?

– Нет компромисса! Вали отсюда! А то проклянусь, в могилу заведу тебя.

Как-то страшно стало, я слышала разговор Тасмин с матерью, из него поняла: она сможет. Но сдаваться не собираюсь, не на улице же мне жить.

Что в ней только Кевин нашёл? Ну да, красивая, умеет себя показать, но это ничто по сравнению с её ужасным характером.

– Выйди из моей комнаты и закрой дверь с той стороны, – холодно сказала ей.

– Что?! Да как ты смеешь?! – подхожу и выталкиваю её из комнаты, захлопываю дверь.
– Всё! Ты труп! – у неё меняется голос, становится, загробным, от него мороз по коже. –
Запомни мои слова: земля, небо, темные силы, беру вас в слуги, пусть пропадёт моя обидчица,
в могиле сгниет. Как я сказала, так и будет!

Моё тело окутало холодом, захотелось спать, веки начали закрываться, еле дошла до кровати и просто рухнула в темноту...

Я почему-то маленькая девочка, бегу за мамой по нашему саду, следом за мной бежит кухарка, Тина.

– Принцесса. Подождите, вам нельзя туда.

Остановилась, оглядываясь по сторонам.

– Мама! – слёзы льются из глаз, я хочу её видеть, почему она убегает?

Между деревьями мелькнули золотистые волосы. Вытерев слезы ладонью, поспешила следом за ней.

Вышла на полянку, там сидели все сирены: моя бабушка Аделаида, тётя Персефона, и даже те, кого я видела только на портретах.

Они сидели мирно пили чай, каждую обнимал её фаворит.

Мама подошла к мужчине с белыми, как у меня волосами и цвет глаз у нас с ним был одинаковым.

Он нежно обнимал маму, целуя её в висок.

– Мама? Это кто? – она повернулась и улыбнулась.

– Это твой папа, – Я никогда его раньше не видела, он умер, когда мама была беременна мной.

– Тебе нельзя здесь быть, Миди, ещё очень рано.

– Но мама, я хочу быть с тобой, мне так плохо без тебя, я не могу больше. Все меня ненавидят, каждый хочет уколоть побольнее. И сирен больше нет, я не хочу быть единственной на всей планете!

– Тебе нужно вернуться. На тебя вся надежда, нужно установить мир между сиренами и драконами.

– Мир? Да они убили тебя, тетю, бабушку и... Всех! Даже тех, кто был предан нам. И почему тётя и бабушка обнимают своих убийц? – мужчины опустили головы.

– Подрастёшь – поймёшь. А теперь возвращайся, тебе нельзя здесь быть, – мама с папой подошли, обняли меня с двух сторон. Так тепло, спокойно. Папа поцеловал меня в макушку.

– Помни, Миди: остерегайся Элифаса Пикинджилла. Это опасный человек.

– Он же президент? Как мы можем с ним встретиться?

– Помни, что я тебе сказала. Теперь тебе пора... – мамин голос блек, исчезал.

Распахнула глаза, по лицу бежал пот, возле моей кровати стояла профессор Кюри.

– Слава богам! Ты очнулась! – Я сглотнула, говорить было тяжело, во рту словно пустыня, губы все слиплись.

– Пить... – хриплым, бабушкиным скрипучим голосом попросила я.

– Да, конечно, – она помогла мне сесть, поднесла стакан с водой, в теле жуткая слабость.

Сделала глоток воды, он покатился по горлу, обжигая.

– Всё, достаточно. Ты слишком долго не пила и не ела.

– Долго? Это сколько?

– Ты пять дней была в коме. Мы уже не надеялись, что ты выживешь, слишком сильное проклятие наложила на тебя Тасмин. Даже верховная, мадам Лаво, не смогла его снять.

– И что теперь будет с Тасмин? – профессор Кюри, нахмурилось.

– К сожалению, мы не сможем её отчислить. Её мама очень влиятельная женщина, приближённая к президенту.

– К Элифасу Пикинджиллу? – слова мамы всплыли в голове, она же предупреждала, держаться от него подальше.

– Да. Тут к тебе друзья приходили. Одного ели выгнала.

– Да, – улынулась. – Кевин может быть настойчивым.

– Нет, – она покачала головой. – Его звали... – профессор задумалась. – А, точно! Алонзо.

– Он был здесь?

– Даже ночевал возле тебя, и замок поставил. Теперь ты можешь заходить по своему отпечатку пальцев.

– Зачем вы позволили? – не хочу быть обязанной ему.

– Он же твой друг?

– Нет, это не так, – таких друзей и врагов не надо.

– Надеюсь, до суда тебе станет легче.

– До суда?

– Да. Я не сказала? – покачала головой. – Суд будет решать, что делать с Тасмин. Ты должна быть там, со стороны обвинения. Суд будет проходить в академии. Её мы переселили, так что не беспокойся, Тасмин не сможет тебе навредить.

– Угу, пока я сижу в комнате. А когда выйду?

– Об этом будем думать потом.

Только сейчас заметила кристалл рядом с собой. От него тянулись лучи, по ним, как по венам текла голубая дымка, они заходили мне в левую руку.

– Что это?

– «Красный лев», он придаёт тебе силы, помогает бороться с болезнью. Раз тебе лучше, я заберу его, он очень ценен, наполнить его: энергозатратно.

– Хорошо, мне лучше, забирайте.

– Тогда я пойду, – я кивнула, разговаривать всё равно было трудно.

Как только профессор Кюри ушла, в моей голове поселилась одна мысль: приходил Алонзо! Пыталась унять радостное волнение, не очень получалось.

Не стоит обольщаться, может, он ждал, когда я умру, чтобы порадоваться самым первым?

Меня опять утягивает в сон, сквозь него, слышу чьи-то шаги, горячие прикосновения к руке.

– Миди, прошу, очнись, девочка моя, – он прижимает мою руку к своей щеке, становится так хорошо.

Нужно прогнать его, но у меня нет сил, ещё мгновение понежусь, забуду на минуту, что нам нельзя быть вместе, что нас разделяют реки пролитой крови. Её не перейти.

Он целовал каждый пальчик, я открыла глаза и увидела улыбку на лице, сердце бешено застучало, но я постаралась сохранять невозмутимое выражение.

– Что ты здесь делаешь? – он с сожалением положил мою руку на место, сглотнул, видела, как он помрачнел.

– Хотел тебя проведать. Ты всё-таки была моей девушкой, хоть и недолго.

Была, была, была... Пронеслось в голове.

Уже нет.

– Ты понимаешь, что мы не можем быть вместе?

– Да, понимаю. Сестра уже наябедничала дяде, и он запретил общаться с тобой.

– А кто у тебя дядя?

– Элифас Пикинджилл. Он растил меня и сестру, когда мы потеряли родных. Твоя семья слишком много принесла боли моей.

– Моя семья? – вспыхнула, как спичка. Да, как он смеет? – Ты что-то путаешь, это твои родственники убили всех, разгромили мой дом.

– Я не буду с тобой спорить, но ты не права, у них была на то веская причина.

– Не желаю тебя слушать. Выйди отсюда, пожалуйста. И настрой замок, чтобы ты больше не смог сюда зайти. Спасибо тебе за него, но не стоило утруждать себя. Как поправлюсь, верну деньги за него.

– Не нужно. Это от чистого сердца.

– Сказала, верну! Твои "благородные" родственники после того, как забрали все наши деньги, вернули мне кое-что. Так что я не бедствую и в твоих подачках не нуждаюсь.

– Я понял, но всё равно не возьму ничего.

– Тогда просто уйди, – отвернулась к стене.

Больно видеть его, и осознавать, что он мне не безразличен.

– Хорошо, я уйду. Выздоравливай, Миди.

Дверь хлопнула, поднесла руку, прижала к щеке, она хранила его тепло и запах.

Боги! Что я творю! Он не просто дракон, а племянник главного монстра, учинившего расправу над моими родственниками. Говорят, он владеет какой-то темной силой, против которой ни одна сирена не устояла, и он запретил нам встречаться.

Мне нужно держаться подальше, что от одного, что от другого. А это будет очень непросто.

Проснулась от топота маленьких ножек, как будто детских. Откуда в академии дети?

Приподнялась на кровати. На улице уже стемнело, было трудно что-то рассмотреть, какая-то тень стояла рядом. Подтянула одеяло ближе к себе. Она не замечала меня, бегала по комнате. В один момент тень попала под свет луны, и тогда я смогла его рассмотреть: ростом с трёхлетнего ребёнка, седая борода. Увидев меня, он растворился в воздухе.

Кто это мог быть? Маленький человечек больше был похож на домового.

Встала с кровати, накинула халат, пошла в ванну. От липкого пота волосы спутались, прилипли к лицу, на мне словно тонна грязи. Ещё бы, столько дней не мыться.

Ноги тряслись, плохо держали, голова кружилась. Опираясь на стенку, чтобы не упасть, медленно шла к ванной.

Приняв душ, почувствовала себя человеком. Я выпалась и теперь бродила из комнаты в комнату, задыхаясь. Мне казалось, что я в темнице, мне нельзя выходить, чтобы не попасться на глаза Тасмин, идеальная квартирка не казалась больше волшебной, а жизнь в академии оказалась не такой сказочной, как я ее себе представляла.

Переодевшись, решила прогуляться, не всю же жизнь мне здесь торчать. Закрыла дверь, ходила по коридорам, ища выход.

Услышав шаги: спряталась в проёме двери. Надеюсь, в приглушенном свете меня никто не заметит.

– Слышали, профессор Кюри, ещё трое студентов пропали без вести? – голос принадлежал мужчине, но его я не знала. Хотя, кроме гоблина и профессора Кюри, я тут никого не видела. Выглянула, попыталась рассмотреть мужчину, у него странный вид: волосы по плечи, сюртук древних времен, зелёные глаза и чёрные губы. Самое интересное в его облике: трость с набалдашником в виде черепа, которую он нес под мышкой. Впереди профессоров летел голубой шар, освещая дорогу.

– Да, я слышала, профессор, – печально сказала Кюри. – Это ужасно. Непонятно, почему президент на это никак не реагирует? Хотя, директор Аманатидис написал ему письмо, но в ответ пришла отписка: вроде, мы всё делаем, а результатов ноль.

Пропадают студенты? Я впервые об этом слышу, ничего такого не писали в газетах.

Профессора прошли мимо меня, не заметив. Шла следом за ними и вышла в знакомый мне холл.

Дверь на улицу была открыта, и я беспрепятственно покинула академию.

Шла по дороге, вымощенной серым камнем, мимо ровно подстриженных кустов, к шумевшему морю.

Я столько лет жила без него, что сейчас с жадностью глотала освежающий воздух. Сняв туфли, шла по мокрому песку, оставляя следы, которые стирали набежавшие волны.

Ходят легенды, что отец сирен бог Форкий, а мать Муза. Умение превращаться в птицу нам подарила Деметра. Если это так, то любовь к морю у нас в крови.

– Стой, красотка, – обернулась, сзади меня шёл Фабио, тоже босиком.

– Привет, – улыбнулась ему.

– Привет. Смотрю, тебе лучше?

– Да, немного. Не хочется спать, и так долго провалялась.

– Да уж. Я приходил к тебе, но дракон меня не пустил, мы чуть не подрались.

– Из-за чего?

– Он подумал, что я твой парень, – возмутилась. Не слишком ли много он на себя берёт? Что значит, не пустил?

– Что ты погрузилась? Достал тебя этот "золотой мальчик?"

– Нет, всё в порядке, – нахмурилась, только мне удалось отвлечься и на тебе!

– Нет, не в порядке. Ты сейчас закипишь. На, охладись, – он пнул воду, брызги попали на меня.

– Ах, ты! – обрызгала его в ответ. Фабио не ожидал такого, вытер мокрое лицо.

– Ты! Маленькая нахалка! – побежала от него. – А ну, стой! – обернулась, Фабио догонял меня, рассмеялась, побежала дальше.

– Стой! Догоню, хуже будет! – он зло рычал.

Догнал, поднял меня на руки и понес к морю. Брыкалась, пытаюсь вырваться.

– Что ты задумал? Куда ты меня тащишь?

– Искупаться, непонятно что ли?

– Фабио! Не смей! – он зашёл по колено в воду, задорно улыбнувшись, разжал руки, и я упала в воду.

– Зараза! – вынырнула, убрала волосы с глаз, отплевываясь. – Ну всё! Ты труп! – запрыгнула к нему на шею, пытаюсь затянуть его в воду.

– Ну, что красотка? Сил не хватает? – сделала ему подножку, и мы вместе нырнули в воду.

Пока он ругался и вытирал лицо, уличила момент, убежала на берег.

Фабио догнал меня, повалил на песок, притянул за шею к себе.

– Весело с тобой, только я теперь весь мокрый. Погоди, – он провёл свободной рукой по одежде, и она высохла. Потом так же по моей.

– Здорово. Я тоже так хочу научиться.

– Научишься. Профессор Кюри учит этому на первом курсе.

– Если я доживу до этого урока.

– Ты про Тасмин?

– Да. Ты знаешь?

– Об этом вся академия перешептывается. Её и раньше не любили, а теперь просто боятся.

– Да, строптивая особа.

Мы лежали на песке смотрели на звёздное небо.

– Смотри, показываю на движущуюся точку, – зажмурившись, загадала желание.

– Что ты загадала?

– Не скажу, а то оно не сбудется, – единственное моё желание – сдать вступительные экзамены.

В течение трёх месяцев нас будут готовить, искать наш талант, если не сдам, то вылечу и конец моим мечтам об образовании.

На небе какое-то чёрное пятно, движется к нам навстречу.

– Что это в небе? – Фабио проследил за моим взглядом.

– Не знаю, что-то черное, непонятно отсюда.

Через какое-то время я смогла рассмотреть, это был дракон.

Ко мне вернулись мои детские воспоминания, которые я безуспешно пыталась забыть.

Точно такой же дракон спускался к нам с мамой, когда мы пытались спастись.

Сжалась в комок, уткнулась в грудь Фабио, тело била мелкая дрожь, не хватало воздуха, пыталась вдохнуть его.

– Миди, что с тобой? – приподнял подбородок, заглядывая в глаза

– Дракон... Я ненавижу их...

Черный дракон сел на скалу, его очертания размылись и им оказался Алонзо.

Наши глаза встретились, словно не было между нами сотни метров, он с тоской смотрел на меня так, что сердце дрогнуло, остановилось, потом забилося, как бешеное. Его взгляд остановился на руке Фабио, обнимающей меня за шею. Глаза Алонзо почернели, вспыхнули, он сжал руки в кулаки.

Я первая не выдержала нашей борьбы взглядами. Встала, обняла себя руками, пошла в сторону академии. Я чувствовала, он продолжал смотреть на меня. И это невыносимо!

– Миди! Постой, – меня догнал Фабио. – Ты туфли забыла, – он нагнулся, поставил их рядом со мной.

– Спасибо, – придерживаясь за плечо Фабио, надела обувь.

– Давай, я тебя провожу? Уже поздно, если Тасмин увидит, что ты не в комнате, может закончить то, что начала.

– Спасибо, я буду тебе благодарна за помощь. Не следовало мне выходить, но так хотелось прогуляться.

– Я понимаю, жаль, что тебе в соседи досталась самая капризная ведьма.

– Мне вообще "везёт по жизни".

– А что ты так изменилась в лице? Никогда раньше не видела драконов?

– Видела, только тогда... Они принесли мне одно горе.

– погоди. Ты Мидэя? Единственная уцелевшая сирена? Та самая?!

– Да, – смутилась, отвела глаза.

– Я же в конце первого курса писал реферат про вашу семью. И тогда я впервые получил выговор.

– А что, так плохо написал?

– Да нет, вроде нормально. Просто у мэра пунктик насчёт вас и пренебрежительного отношения к президенту он не терпит. И жалеть сирен не позволяет.

– А что ты там написал?

– Что это варварство – убить женщину таким путём. И это недостойно мужчины.

– Да, согласна с тобой. Они в открытую не могли победить сирен, только так исподтишка. Слушай Фабио, сегодня кто-то по моему дому бегал. Невысокого роста с бородой. Не знаешь, кто это мог быть?

– Домовой, он убирается. А ты что, его видела?

– Да, недолго. Потом он растворился в воздухе.

– Так-то его никто не видит, – говорят, не к добру увидеть домового. Или из дома выгнать, или умрешь.

Отлично! Только этого мне не хватало!

Глава четвертая

Следующий день: день закупок. Я вместе с Кевином и Фабио поехала в центр покупать учебные принадлежности. Профессор Кюри выдала мне огромный список. Ребята просто составили мне компанию, им ничего не нужно было, они купили всё раньше, пока я болела.

До города добирались на такси. Я расплатилась, и мы вышли из машины. Оглядывалась по сторонам, я впервые в большом городе. В детстве, мы с мамой ездили по большим городам, но я видела их только из окна машины.

По узким, тесным улочкам, прогуливались люди разных наций: оборотни, эльфы, гоблины шли рядом с обычными людьми.

Парни подхватили меня под обе руки, и привели в книжный магазин. В нос ударили запахи свеженапечатанной бумаги, дерева, они перемешивались с запахом дорогих духов. Похоже, не я одна покупаю всё в последний момент.

– Миди, – Кевин и вертел в руках набор: тетради и ручки. – Тебе обязательно нужно взять это.

– А что это?

– Ручка, она сама записывает всё в тетрадь.

– Да, – согласился Фабио, – профессора очень быстро диктуют, и ты просто не успеешь всё записать.

– Хорошо, берём.

К нам подошла Фея, приветливо улыбаясь, она представилась:

– Я, Клэр. Рада приветствовать вас в нашем магазине. Что вы хотели?

– Вот, – передаю ей список необходимых книг и канцелярии.

– Подождите, пока я все соберу. Можете сесть на диванчик.

Нам предложили чай, я села между Фабио и Кевином, смотрела, как Клэр, летает между стеллажами, берёт книги с верхних полок, долетая до самого потолка.

– Счастье, наверное, так летать?

– Завидуешь? – спросил Кевин, делая глоток ароматного чая.

– Да. Все мои родственники умели, я одна такая, "неформат."

– Ничего, я тоже не умею. Оборотни привыкли ходить по земле.

– Мы раньше с мамой ездили на пикник. Я с замиранием сердца смотрела, как она превращается в гигантскую птицу, мечтала, что скоро смогу так же летать, как и она. Но мечты, так и остались мечтами. Может, поэтому меня не убили, поняли, что я не представляю угрозу? – воспоминания детства, приносили радость и горечь. Кевин пожал плечами.

Фея привезла нам тележку с книгами.

– Всё собрано. Проходите оплачивать на кассу.

– Ого! Как много! – озадаченно смотрела на забитую доверху тележку.

– Здесь учебники в двух частях, чтобы вам несколько раз не приезжать сюда.

Я оплатила покупку, денег в кошельке совсем не осталось, придётся съездить в банк, снять ещё наличные.

– И как я это потащу? – смотрела на стопку книг.

– А на что тебе друзья? – Фабио открыл рюкзак, стал складывать.

– Они все не поместятся.

– Поспорим? – он продолжал складывать, рюкзак даже не увеличивался в размерах.

– Он что у тебя, бездонный?

– Да.

– Серьёзно?

– Я придумал его еще в начале первого курса.

– Я тоже себе такой хочу. Научишь?

– Замётано, подруга, – подмигнул Фабио. – Что сейчас, куда пойдём? – у Кевина заурчало в животе.

– Я бы поесть не отказался. Есть тут место попримечнее, и чтобы не сильно дорогое?

– Конечно. Я знаю шикарное место. – ответил Фабио.

Кевин, взяв меня за руку, повел на выход. У самой двери столкнулись с Алонзо и его сестрой. Он вёл под руку красивую девушку. Длинные ровные волосы, дорогая одежда, и она так липла к нему, преданно заглядывая в глаза.

Мы остановились друг напротив друга.

Он с другой! Крепче сжала руку Кевина. Воздух в один миг стал тяжелым, напряженным. Девушка прижалась к его плечу, и я почувствовала острую боль в груди.

– Я смотрю, тебе лучше, Миди? – Алонзо скривился. – Вчера с одним обнималась, сейчас с другим. Какая ты всё-таки ветреная особа, как оказалось.

– Почему тебя, собственно, должно волновать, с кем я обнимаюсь, с кем провожу время?

– Потому что ещё неделю назад ты это делала со мной.

– Смотрю, ты тоже недолго переживал по поводу нашего расставания, – перевела взгляд на ничего не понимающую девушку.

– Речь не обо мне! А о тебе! Все вы, сирены, ветреные особы. Ты такая же, как твоя мать! Прав был дядя, ты мне не пара.

– У тебя нет никакого права говорить так о моей семье! – подошла к нему, вплотную прожигая его взглядом, полным ненависти. – Весь ваш драконий род и мизинца ее не стоит. Мама всю жизнь была верна моему отцу!

– Ха-ха-ха! Верна! А замуж за него так и не вышла?

– Я не хочу с тобой обсуждать это. Ты мне никто! Можешь и дальше плясать под дудку своего ненаглядного дяди. Ребята, пойдёмте, – подхватила их под руку, и мы вышли на улицу. С жадностью хватала воздух, задыхалась. Во мне бушевали сразу несколько чувств: ревность, обида, злоба, ярость.

Так теперь всегда будет? При каждой нашей встрече буду выходить из себя?

Обидно, девушка-то красивая, и ей нравится Алонзо, она его ревнует, это было понятно по её перекошенному лицу.

– Миди, ты как? – озабоченно спросил Кевин. Попыталась изобразить улыбку на лице, но скорее получилась гримаса.

– Так! Срочно идем в кафе! – сказал Фабио. – Там такое потрясающее пирожное, любое плохое настроение улетучивается.

Мы шли куда-то в горку, проходя мимо моего банка, попросила зайти. Деньги-то закончились. Потом долго плутали мимо трехэтажных жилых домов, долго поднимались по ступенькам. На самом верху обернулась. Отсюда как на ладони был виден весь остров.

– Красота!

– Да, – согласился Фабио.

Голубое прозрачное море окружает остров, к берегу пришвартованы белоснежные яхты.

– Вон там, – показывал Фабио, – площадь Аделаиды Освободительницы. Названа в честь твоей бабушки. Она освободила город от демонов, пожирающих людей, и в её честь назвали площадь. Там каждые выходные проходят вечеринки. Надо будет как-то сводить тебя туда. В эти выходные будет праздник в честь Деметры. А там, – он показал на белоснежное здание с позолоченными крышами и статуей Деметры, – её храм.

На окраине острова были видны башни академии, густой лес, пляж с белоснежным песком.

– Всё! Хватит любоваться! Я сейчас с голоду помру, – в подтверждение слов, у Кевина заурчало в животе.

– Пошли, голодающий, – улыбнулась, подхватила друзей под руку.

Мы вошли в кафе, я хотела занять место у окна.

– Нет, не сюда. – остановил меня Фабио, вывел нас на террасу.

Сели на белоснежный диван со множеством подушек. Фабио нажал кнопку на столе, и перед нами появилось светящееся меню, где можно было посмотреть еду в проекции. Я проводила пальцем по нему и блюда менялись. Хихикнув, с восторгом посмотрела на ребят.

– Нет, ты точно деревенская! Такое меню уже лет десять во всех кафе. Ты никогда не видела, что ли?

– Никогда.

Выбрала себе салат с морепродуктами, стакан сока и обещанное, обалденные пирожные.

– Ты прелесть, Миди, – улыбнулся Фабио, когда я, мыча от удовольствия, поглощала пирожное.

– Кстати, забыла спросить, Кевин, как у тебя обстоят дела с твоим планом по завоеванию Тасмин?

– Никак, – он равнодушно пожал плечами, сделал глоток молока. – Ты же не думаешь, что после того, что она с тобой сделала, я продолжу бегать за ней?

– Но она тебе понравилась...

– Нет уж, спасибо. Ты была права, она не для меня.

С блаженной улыбкой откинулась на спинку дивана, греясь под теплыми лучами.

– Я на минуточку. Фабио, не подскажешь, где тут дамская комната?

– Ах, да. Возвращаешься в ресторан, доходишь почти до выхода, поворачиваешь налево.

– Спасибо.

Посетители все прибывали, внутри кафе почти не было места, видимо, не мы одни проголодались.

Дошла до выхода и хотела уже повернуть налево, как моё внимание привлёк женский смех.

В кафе вошел Алонзо вместе с той девушкой. Он, что-то ей рассказывал, она смеялась, прижимаясь к нему всё ближе. Увидев меня: замолк, помрачнел.

Надо же, из всех кафе, что разбросаны по всему острову, они выбрали то же самое, что и мы.

Девушка перестала смеяться, переводила взгляд с меня на него, а мы никого не замечали, неотрывно смотрели друг на друга. И опять я тонула в этих глазах цвета теплого шоколада.

Сбежала! Я смогла!

Зашла в дамскую комнату, долго брызгала себе на лицо водой, пытаюсь прийти в себя.

Что-то не то со мной творится. Это даже не влюблённость, болезнь какая-то. Когда его нет, я думаю только о нём, когда он рядом, меня к нему тянет, как будто он за веревки дёргает.

Умом понимаю, что не быть нам вместе, а глупому сердцу не объяснить, оно за меня всё решило.

Дверь хлопнула, обернулась, там стоял Алонзо, тяжело дышал, как после пробежки.

– Что ты... – не успела договорить, он припечатал меня к раковине, и накинудся на мои губы.

Я сопротивлялась, колотила его руками, но он только сильнее сжимал меня в тисках, под его напором сдалась, ответила на поцелуй. Обняла его за шею притягивая ближе к себе. Мне так необходимо чувствовать его. От одного поцелуя ничего же не случится?

Он налетел на меня, как ураган, и я не смогла устоять.

– Миди я... – он виновато смотрел на меня. – Прости, не сдержался, – а потом просто ушёл, ничего не объяснив.

Вернулась к друзьям. А там он, со своей девушкой. Она что-то говорила, смеялась, а мы ничего не замечали, смотрели друг на друга.

– Миди, ты как? – спросил Кевин. – Ужасно выглядишь, как будто тебя каток переехал, – да, почти так и было.

– В точку. Я так себя и ощущаю. Ребята, пойдёмте, – жалобным голосом попросила их. Не могу видеть Алонзо с другой.

Фабио взял меня за руку, Алонзо переключил взгляд с меня на него, словно готов был четвертовать соперника. Друг, заметив его взгляд, победно улыбнулся, обнял меня за шею и прошептал:

– Что, встряхнем "золотого мальчика?" – так и увел, обнимая за шею.

Когда мы вышли на улицу, набросилась и на него.

– Что ты творишь?

– Ничего. Пусть поревнует.

– Это игра что ли такая?

– Миди, успокойся. Я просто хотел помочь.

– Мне не рассказывай! Больше было похоже на то, что у тебя какой-то личный счёт с Алонзо, и ты сделал меня орудием мести.

– Это не так, Миди. Я же вижу, как ты по нему сохнешь, он по тебе, а сам с другой.

– Я сама ушла от него. Знаю, что он меня любит, но нам нельзя быть вместе! Не мучай его больше, ему и так тяжело. Надеюсь, со временем, это у нас пройдёт.

Мы вернулись в академию. Мадам Кюри выдала нам форму.

Жилетка и юбка серого цвета, белая блузка. Пока не определятся наши стихии, мы так и будем ходить в сером.

Красная форма – стихии огня, василькового цвета – воды, воздуха – синий, земли – коричневый. Носить эти цвета – это принадлежать к особой касте избранных, выделяться из серой массы обычных магов и волшебников, и это моя несбыточная мечта.

Форма села идеально, крутилась у зеркала, не веря: я студентка ЭМА. Я уже здесь! Не упущу эту возможность. Раз меня приняли, значит, разглядели во мне что-то.

На следующий день проснулась, как только взошло солнце. Чувствовала необъяснимое волнение. На завтрак ко мне зашли ребята, принесу кучу еды. Я-то не позаботилась об этом, не подумала о такой мелочи.

Пока учёба не началась, мы питаемся дома, потом заработает столовая.

Фабио жарил яичницу, мне отдельно, без бекона, Кевин разливал чай в кружку.

– Что сегодня будет?

– Линейка. Нас построят, директор будет толкать речь, первокурсникам устроят экскурсию по академии. Остальные курсы будут сидеть по аудиториям. Скукота, в общем.

После завтрака вышли на улицу, там уже все построились на лужайке возле академии. Первый курс – серая масса – стояла слева; второй курс – разноцветные, справа; третий, так же в форме из пяти цветов – посередине.

Профессор Аманатидис вышел, и вся галдящая толпа затихла.

Я впервые вижу его, на нём стильный черный костюм, он стройный, подтянутый, с ровно подстриженной черной бородой и цепким взглядом. На вид ему лет тридцать, а сколько в действительности, непонятно. Потом были напутствие от профессоров.

Когда речи были сказаны, и мы стали расходиться, к нам подошла Тасмин, вместе с компанией ведьм.

– Вы посмотрите, девочки, какая тварь живучая! Скажи, как тебе удалось выжить?

– Может, ты не особо старалась?

– Да нет, я на тебя наложила сильную порчу.

– Отвали, придурочная! – Кевин вышел вперед, прикрывая меня собой.

– А то что? Что ты можешь, малыш? Хочешь ещё, чтобы я тебя подпалила? – она рас- смеялась.

– Что я могу? Глотку тебе перегрызть, у меня на это сил хватит. Будешь ещё нападать на Миди, так и сделаю.

– Ух! – она округлила глаза. – Вы слышали, девочки? – она повернулась к своей свите, те засмеялись. – Как страшно то! Да кто ты такой, чтобы угрожать дочери самой верховной?

– Смотри, корону не потеряй, – съязвила я.

– Это кто у нас там из-за спины твякает? Как потерять корону? Как ты что ли? Бывшая принцесска!

– Что тебе надо-то, Тасмин?

– Чтобы вы сдохли! – её глаза поменялись, стали полностью белыми, она зашептала этим своим загробным голосом. Из-под земли как дымка выползли серо-зелёные твари, некогда быв- шие людьми, взяли нас в круг, и водили хоровод вокруг нас.

Что, опять что-ли?! Но почему в этот раз я их вижу?

Профессора ушли, студенты стояли, перепуганно перешептывались, боясь вмешаться и попасть в немилость к Тасмин.

– Миди, держись, Я за профессором, – крикнул Фабио и убежал.

Искала взглядом в толпе студентов Алонзо, но ни его, ни его сестры не увидела.

Я опять на грани смерти? Нет, в этот раз нельзя! Мне нужно защитить Кевина. Он тут вообще не при чём. Кевин, единственный мой друг, так отважно встал на мою защиту.

Я увидела, как из меня выходит голубой шар, он окутал меня, я попыталась его расши- рить, захватить Кевина. У меня получилось!

– Как ты это делаешь? – спросил Кевин и коснулся рукой шара, он завибрировал.

– Не трогай! Не знаю, сколько ещё смогу удержать его.

Мертвяки бились о шар, пытались залезть сверху и снизу, и ничего. Тасмин испуганно смотрела на меня, похоже, она не ожидала такого. Она что-то говорила, но мне ничего не было слышно, мы находились как в вакууме, из-за шара до нас не доходил ни один звук.

Прибежал Алонзо, он что-то говорил Тасмин, тряс ее, я его таким злым видела впервые.

Тасмин махнула рукой, мертвяки пропали. Она обессиленно упала на землю.

Я не чувствовала угрозы, убрала шар.

– Зря тебя тогда не убили! – злобно шипела она, сиди на земле. – Они сделали огромную ошибку! Я все силы на это заклинание потратила, а тебе хоть бы хны! Тварь!

Мне не было дела до её пламенной речи, я едва стояла на ногах, пошатнулась от слабости.

– Миди... – я почти упала, когда меня подхватил Алонзо.

– Что ты творишь? – кричала Тасмин. – Она враг нам! Орден тебя не простит!

– Заткнись! – угрожающе прошипел Алонзо, он нес меня к академии.

– Девочка моя, всё хорошо будет. Прости, не доглядел за этой чокнутой.

Последнее, что я видела – это как к нам навстречу бегут профессор Кюри и директор Аманатидис, а потом темнота.

Очнулась в своей комнате, рядом со мной сидел Алонзо, увидев, что я открыла глаза, улыбнулся. Позади него стояли директор Аманатидис и профессор Кюри. Услышала их раз- говор:

– Чудо, что девочка спаслась, в который раз! – говорила профессор. – Как у неё получился защитный шар? Она не только себя защитила, но и Спейса тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.